

показывают нового председателя

На днях в кабинет шефа «Останкино» въехал В. Брагин

— Вячеслав Иванович, о чем говорил с вами президент перед назначением руководителем «Останкино»?

— Видите ли, я не встречался с Борисом Николаевичем перед назначением...

— Как же вы узнали о нем?

— Должно было начаться заседание Президиума ВС, и я уже собирался занять свое место, когда попросили к телефону — звонок из пресс-центра президента. Мне прямо по телефону зачитали указ.

— Так что для вас это решение оказалось полной неожиданностью?

— Знаете, такую возможность я все-таки предчувствовал — из разговоров коллег, по некоторым другим признакам... В частности, мне передали, что во время встречи президента с журналистами и вручения премий Борис Николаевич обсуждал ряд кандидатов на должность руководителя «Останкино», называлась и моя фамилия...

— Может быть, ваше назначение объясняется какими-то особыми отношениями с президентом?

— Ничего особенного в них нет. Да, я руководил в свое время областным штабом по выборам Ельцина в президенту, некоторое время работал его представителем по Тверской области, встречался и обсуждал с ним какие-то вопросы и как депутат, и как руководитель парламентского комитета. Но это все чисто рабочие, деловые контакты...

— Вячеслав Иванович, а как вас приняли в «Останкино» — ведь вы не профессиональный телевизионщик? Я понимаю, что вы еще не успели встретиться со всем коллективом, но встреча с директором уже состоялась...

— Еще работая в парламентском Комитете по средствам массовой информации, я со многими успел познакомиться, завязать рабочие контакты — многих уже знал лично — и журналистов, и руководителей «Останкино». У нас сложились хорошие, добрые отношения. Так что первая встреча прошла, я считаю, нормально. Конечно, некая настороженность была — но ведь это всегда так, вы знаете, когда приходит новый человек. Надеюсь, поможет привычка не ограничиваться стенами кабинета и телефонным аппаратом — я люблю знакомиться со всеми и всем подробно, по всей тех-

нологической цепочке.

Вполне отдаю себе отчет в том, что прежде чем что-то сделать, необходимо оценить реальные возможности и перспективы — как технические, так и творческие. Ясно, что это невозможно без советов опытных специалистов — тех, кто сегодня работает в «Останкино», и тех, кто работал раньше...

— И советов Егора Яковлева?

— Естественно. Это глубоко уважаемый мною человек, с которым меня связывают больше чем товарищеские отношения, я считаю, что мы друзья. И не боюсь сейчас сказать, что огорчен тем, как с ним обошлись.

Помимо этого, проведу консультации и с политическими партиями и движениями — ряд из них уже заявил о своей готовности оказать поддержку...

— А как быть с теми, кто до сих пор убежден, что «Останкино» — это «империя лжи»?

— Я во время работы в комитете был открыт для диалога с представителями самых разных политических течений — это подтвердят и Бабурич, и Аксютин, и Павлов, и Зюганов. Думаю, что это нормально, и готов продолжать диалог и в новой должности.

— И все-таки, в какой степени оправданы упреки оппозиции в информационной блокаде со стороны телевидения?

— Мне кажется — это я почувствовал во время переговоров с представителями оппозиции, пикетировавшей в июне «Останкино», некоторым из них нужен не столь-

ко доступ к эфиру, сколько столкновение, скандал...

Сегодня, по моему, говорить об информационной блокаде оппозиции просто смешно — вы сами видите, как часто появляются на телеэкране — в передачах и «Останкино», и российского телевидения — лидеры оппозиции. Больше того — скажу как член Комитета по средствам массовой информации — сегодня претензии выдвигают уже представители «Демроссии»...

— Что вам, как телезрителю, нравится в сегодняшнем канале «Останкино» и что, на ваш взгляд, не мешает изменить?

— Мне нравится смотреть политические передачи и наблюдать за логикой и характером состязания политического обозревателя, аналитика с его визави — действующим политиком.

Вместе с тем я почти всю жизнь прожил в тверском городке, в Бежецке, и думаю, что хорошо знаю нашу провинцию, характер и душу людей из глубинки. Наверное, поэтому люблю передачи о российской истории, передачи, показывающие простого человека — как говорится, человека от земли, человека труда — того, на ком держится Отечество. Мне кажется, новые подходы должны быть найдены и к разговору о российской интеллигенции. Знаете, мне повезло — я знал настоящих российских интеллигентов — тех, еще земских — учителей, врачей, агрономов. Они соединяли в себе гигагавские, энциклопедические знания с поразительной простотой, незаносчивостью — всю жизнь честно работали в провинции, не считая это каким-то наказанием. Видели в этом свой долг. Мне кажется, с уходом этого поколения интеллигентов Россия много потеряла. Надо думать о том, как все это возродить...

— Вячеслав Иванович, вы долго работали в парламенте, хорошо знаете Хасбулатова. Известно, что у вас с ним достаточно сложные отношения. Он, что, на самом деле такой грубый и нетерпимый человек?

— На первом этапе работы с Русланом Имрановичем у нас были безоблачные, очень хорошие отношения. Я принадлежу к числу тех людей, которые активно поддерживали Хасбулатова, — помню, с какой энергией я убеждал

коллег отдать свои голоса за него.

Потом начало искрить. Например, вдруг Руслан Имранович на заседании Президиума начинает давать установки о том, что наш комитет должен курировать СМИ. Я спокойный человек, поэтому после заседания прихожу к нему и спрашиваю: как толковать вашу фразу «курировать»? Я ведь бывший секретарь райкома по идеологии и представляю, как это делалось — вы этого от меня хотите? Я так не смогу. Есть же Закон о СМИ — давайте ему следовать и решать все коллизии на правовой основе. Дальше — больше, я почувствовал, что зреет разрыв. Решил объяснить начистоту — это ведь уже не персональные отношения, накачивается беда более масштабная — возвращается прежний стиль разговора с прессой. Пригласил Руслана Имрановича в комитет, собрал ведущих редакторов, полагая, что будет нормальный человеческий разговор. А получилось разное. С первых же слов он «понес» комитет, газеты, «четвертую власть». Это был скандал первостатейный. После перерыва главные редакторы покинули это совещание. Я вернулся к себе, звонит Хасбулатов: «Ну как?» «Я подавлен тем, что произошло». — «А что произошло?» — «Да ни в одной стране спикер не станет возбуждать против себя прессу». — «Да? А давай мы завтра проведем пресс-конференцию для журналистов, и я буду совсем иной, я поведу себя так, как нужно». Ну, думаю, хоть здесь спасу ситуацию. На другой день собрались журналисты, я предоставил ему слово, а он опять... Когда дошла очередь до меня, я сказал свое — что комитет никогда не будет отделом пропаганды и агитации, пообещал сделать все от меня зависящее для усиления «четвертой власти» — прессе. Хасбулатов, вы понимаете, таких противостояний не забывает. Ну и уже после этого — скандал с «Известиями», неоднократные угрозы и выпады в адрес комитета, в том числе на съезде. Повторяю, суть не в личных разногласиях, какими бы серьезными они ни были, вопрос стоит серьезнее — будет ли у нас реально обеспечена свобода слова или же газеты и телевидение вновь превратятся в послушный рупор государственности.

А. ПОДКОПАЛОВ.